

ДЕВУШКИ НЕ ПЕРВОЙ СВЕЖЕСТИ

НАДЕЖДА
НЕЛИДОВА

Женщина
в жутких розочках

«Странная женщина, странная», — поёт певец. Это про них, моих женщин.

Унылые возрастные тётки с авоськами, с далёкой от модельных параметров внешностью, они то и дело попадают в нелепые ситуации. Кто догадается, что под старомодными шляпками и крепдешиновыми платьями прячутся трепетные благоухающие розы, готовые щедро окутать избранника нежным ароматом любви?

Надежда Нелидова

ЖЕНЩИНА В ЖУТКИХ РОЗОЧКАХ

ДЕКАБРИСТКА

Мне идёт жёлтый цвет: насыщенный — зрелого одуванчика, нежный — только вылупившегося цыплёнка, золотистый — болотной купальницы. Но упаси бог надеть что-нибудь жёлтое из гардероба на приём в больницу. Хмуро-усталые врачи, заполняя бумаги, вдруг оживляются при виде жёлтого цвета.

— Желтухой болели?

Благодаря одуванчиково-цыплячьей кофточке я познакомилась с мужем. Он работает терапевтом в поликлинике, ведёт наш участок. Моя жёлтая кофточка также навеяла ему смутные ассоциации. Он вскинул набрякшие от писанины, озарённые, спохватившиеся глаза:

— Желтухой болели?

Это была последняя капля. Глядя в его глаза, я отчеканила:

— Да. Я люблю жёлтый цвет. И что из того? При чём тут желтуха? Что у вас, у врачей, за странная логика? Вы все сговорились, что ли?

— То есть записываем: пациентка желтухой переболела, — невозмутимо подытожил лысоватый

терапевт Павел Сергеич — так извещала визитка на халате.

— Я в жизни не болела желтухой! — взорвалась я.

— Но вы сами только что сказали «да»... Вот медсестра подтвердит.

— Я сказала «да», что люблю жёлтый цвет, что...

— Не знаю насчёт желтухи, но нервишки у вас шалют. Успокоительное вам точно не помешает.

— Да как вы смеете меня оскорблять?!

И так далее. Эпизод, начавшийся столь малосодержательным диалогом в терапевтическом кабинете, через месяц закончился торжественной регистрацией в районном загсе. За спиной сорокалетнего лысого жениха смахивала счастливые слёзы его мама Екатерина Семёновна.

Месяц назад мы официально познакомились с будущей свекровью. В принципе понравились друг другу и даже расцеловались на прощание. Писклявым умильным голосом и подвижным носом-пяточком она походила на моего любимого мультипликационного поросёнка из «Винни Пуха».

Я застёгивала босоножки у двери, поджидая задерживавшегося в кухне Пашу. И вдруг услышала:

— Так не забудь, Павлик. Прежде чем подавать заявление, девочка должна принести

справку из СПИД-центра, из психдиспансера: нет ли дурной наследственности, и от гинеколога насчёт бесплодия.

Перегородка между прихожей и кухней была тонкая, из гипсокартона. Я отчётливо слышала каждое слово.

Я могла застегнуть последние перепонки на босоножках, строптиво топнуть каблучком: ладно ли сидят — повернуться и уйти, хлопнув дверью. И моя жизнь круто повернула бы в совершенно иное русло.

Хотя, прямо скажем, к тридцати четырём годам осталось не так много свободных русел. Да и те заболотились, обмелели и забились илом, ветками и мусором. В мутной воде просматривались смутные очертания, похожие на утопленников.

Я осталась стоять у двери как приросшая. К чести Паши, он даже не заикнулся об обязательном наличии трёх справок перед свадьбой. Не знаю, какие домашние баталии ему пришлось вынести, но он похудел — это было видно по ещё более торчащим костистым ушам. И лысина слегка расширила свой ареал.

Более того: Паша отвоевал у мамы право на мальчишник. У Екатерины Семёновны страшное слово «мальчишник» ассоциировалось со стриптизёршами на столе и пьяной оргией.

Стриптизёрши и оргия действительно были.

Но самым ярким впечатлением для Паши осталось проигранное им пари. На спор с подвыпившими друзьями он проехал в вечернем трамвае несколько остановок в чепчике и с пустышкой во рту. Пустышка была в форме мордочки Микки-Мауса.

Это мне безжалостно рассказал сам Паша. Мужчины, никогда, никогда не рассказывайте подобные вещи о себе новоиспечённым жёнам. А если рассказали, не удивляйтесь потом их охлаждению.

Моё охлаждение началось ещё до того, как Паша стал моим мужем. С подслушанных в прихожей строгих медицинских гарантий, требуемых Екатериной Семёновной. Я тогда не догадывалась, что, выходя замуж за Пашу, я официально выхожу замуж и за Екатерину Семёновну. Она шла с ним в комплекте.

Вы хотели бы противоестественно сожительствовать с 65-летней женщиной, которая совершенно точно знает, как устроен этот мир, и готова щедро ежеминутно по телефону и лично делиться жизненным опытом с невесткой?... А вот я сожительствую.

Хотя у нас отдельная квартира. Мы с Пашей объединили мою комнату и имеющиеся у Екатерины Семёновны на книжке накопления.

На новоселье она принесла огромную напольную глиняную свинью-копилку. На загравке у свиньи было написано: «Гость, не будь жмотом. Подай хозяевам на бумер». Копилку следовало установить в прихожей на видном месте у двери.

Первые слова, какие произнесла Екатерина Семёновна, озабоченно свесившись через перила нашего балкона на пятом этаже:

— Павлик, Леночка. Вам непременно нужно держать на балконе прочный канат. Думаю, метров двадцати до земли хватит.

— !!?

— Ах, Леночка, ты не смотришь новостную ленту. Сколько в городе происходит пожаров! Сколько семей на верхних этажах не могут спуститься по охваченным пламенем лестницам. В результате задыхаются и сгорают заживо. У Павлика ответственная работа (ещё бы: участковый терапевт оптимизированной районной поликлиники!). Так ты, Леночка, уж наведайся в хозяйственный.

Теперь на нашем балконе пылится бухта толстого волосатого колючего каната. Она похожа на свернувшегося в клубок дикобраза. Хвост дикобраза (конец каната) намертво морским узлом примотан к железным перилам.

Канат терпеливо ждёт своего часа. Когда глупые недалёковидные соседи будут метаться в

клубах огня и дыма, мы с Павликом просто перекинем его через перила и — вж-и-и-их! — с ветерком и комфортом съедем на газон. Вместе с предусмотрительно захваченными документами и ценными вещами («Которые, Леночка, на такой случай должны храниться вот в этом ящичке секретера»). Секретером Екатерина Семёновна называет шкаф-горку в спальне.

В комплекте с канатом прилагается две пары брезентовых рукавиц: чтобы не обжечь при съезде с балкона на землю ладони.

...— Леночка, неужели так трудно регулярно освобождать почтовый ящик от корреспонденции? — с порога мягко журит меня Екатерина Семёновна. Она сгружает сумки, полные живыми витаминами: овощами и фруктами. — Газеты, журналы, платёжки торчат и прут из всех щелей вашей ячейки.

Я стараюсь отвечать ровным голосом. Я говорю, что только вчера отправила в мусоропровод килограмм глянцевого макулатуры. Но рекламные агенты не дремлют и тут же забивают ящик новыми проспектами и буклетами.

— Однако соседние ячейки пустуют, — с грустным достоинством парирует Екатерина Семёновна. — Хорошенько запомни, Леночка: переполненный почтовый ящик — это приманка

Л1 для домушников. Это зелёный свет, это разрешающий сигнал, это колокол, призывно бьющий и извещающий, что хозяев сто лет нет дома. Добро пожаловать в пустую квартиру, районные воришки и форточники.

— Но квартира не пустая. Мы сидим дома, — ровным голосом объясняю я.

— И воры обнаружат это, подобрав ключ к дверям, — Екатерина Семёновна торжествующе поднимает редкие бровки. — И вора́м придётся устранить вас как нежелательных свидетелей, как досадную помеху. Не исключено, устранять будут с особой жестокостью.

Екатерина Семёновна опытный стратег и просматривает возможное развёртывание событий на три хода вперёд. С её фантазией писать бы детективные романы. Глядишь, свободного времени бы поубавилось и денежки к пенсии приросли.

Говорят: предупреждён — значит вооружён. Ещё говорят: пессимист — хорошо проинформированный оптимист. Екатерина Семёновна при всей информированности ухитряется оставаться восторженной оптимисткой.

Она шумно радуется выползшему из изюма червяку (значит, изюм не травленный), хрустнувшей в торте скорлупе (значит, кондитер использовал не яичный порошок, а живое яйцо). Особую радость

вызывает заплесневевший кетчуп: значит, без консервантов!

В триллерах часто показывают: чтобы человек перетерпел боль (отрезают без наркоза конечность или делают другую какую-нибудь операцию на живом теле), ему дают закусить какой-нибудь подручный предмет. Палку, нож, ветку дерева, кусок резинового шланга, толстый карандаш, наконец. Бедняга отчаянно сжимает челюсти: карандаш и зубы скрежещут, ломаются, сыплются.

Когда у нас с Пашей предстоит секс, я также мысленно сильно-сильно стискиваю зубами воображаемый предмет. Я удивляюсь, как Паша не слышит моего скрежета зубовного. Эмаль крошится и осыпается на простыню.

— Леночка, что за студенческая привычка есть в постели? Всюду закаменелые крошки, — пеняет потом Екатерина Семёновна, встряхивая и внимательно просматривая на свет простыни. В квартире не осталось места, куда она не засунула бы свой любопытный пяточок.

«Я дико устала». «У меня нечеловечески болит голова». «У меня эти дни».

Скудный набор дежурных отговорок быстро иссяк. И однажды, глядя в близко наклонённое, сопящее от страсти Пашино лицо (до боли напоминающее рыльце Екатерины Семёновны) я

отчётливо сказала в это лицо: «Нет». И упёрлась обеими руками в его грудь.

— Как же так, — заныл Паша. Он ещё не понял всей серьёзности происходящего.

— Хватит. Надоело. Отстань. Насовсем отстань.

У Паши был вид обиженного ребёнка. Мне его стало жалко, я решила его развеселить и растормошить. Приложила его ладонь к верхней точке его живота, к солнечному сплетению. Некоторые думают, там живёт душа. И спросила раздумчиво: «Слушай, а что, по анатомии, тут у человека находится? У меня это место всё болит и болит, ноет и ноет».

Я думала, он меня поймёт. Он вырвал руку и завизжал: «Не смей показывать на мне где болит, сколько можно повторять!» Паша суеверен, как все врачи.

Я думала, Паша будет бунтовать, скандалить, даже разведётся после моего решительного и окончательного отказа исполнять супружеский долг. А он... виновато смирился, как побитая собака. Решил, что проблема в нём самом, и тихо закомплексовал. Завёл пару эротических дисков и каждый вечер на пять минут запирается в своей комнате.

Дорогие жёны, если ваши мужья подозрительно уединяются у компьютера и, как на

амбразуру, грудью бросаются на монитор, чтобы заслонить от вас стонущих белугами дебелих немок — возрадуйтесь и успокойтесь. Это стопроцентная гарантия, что они не бегают налево. Заводить женщину на стороне, поддерживать отношения, врать тут и там, изворачиваться... Это так хлопотно, утомительно, муторно — а мужчины так ленивы и инертны.

— Леночка, не стоит в дорогу надевать дорогие украшения. Даже выходя в магазин через улицу, с человеком может случиться несчастье. ДТП, например, или обморок. А нечистых на руку людей всегда хватает. Среди прохожих, в полиции, в скорой помощи. В морге, наконец. Под шумок снимут с беспомощного бесчувственного тела драгоценности, цепочки, кольца — и поди потом докажи. Вон в новостной ленте, были случаи...

Вообще-то, когда я буду в морге, мне будет плевать, кому достанется моя бижутерия.

Екатерина Семёновна зорко наблюдает, как я наряжаюсь перед зеркалом. Вдеваю в уши любимые длинные серьги с хризолитами, которые так идут к мои глазам. Надеваю на чёрный глухой свитер серебряную, тонкой вязи цепочку с кулоном-хризолитовым глазком. Натягиваю на палец тяжёлый перстень из чёрнёного серебра. Я должна выглядеть на все сто.

Чемодан уже собран. Я собираюсь не в магазин через улицу. Редакция командировала меня в далёкий сибирский город Н.

Я еду писать материал о самой что ни на есть настоящей прапрапра...внучке декабристки. Почти два века назад её юная прапрапра...бабка держалась прозрачными от холода руками (из овчинного тулупа высывались венецианские кружева) за край тряской мужицкой телеги. В телеге метался в горячке, бряцая ржавыми кандалами, её муж-декабрист. Она перебирала субтильными ножками в тонких козловых башмачках, спотыкалась о мёрзлые комья глины...

С ума сойти: неужели я запросто встречу с её потомком, легендарной старушкой? Буду дышать с ней одним воздухом, беседовать, засматривать в мутные катарактные глаза? Может, даже бережно — чтобы не рассыпалась в прах — трогать мумифицированную аристократическую лапку?

Неужели я, наконец, вырвусь из квартиры с волосатым канатом, Пашиным немецким порно и вездесущей Екатериной Семёновной?!

Н. — старинный купеческий город, тороватый, добротный, сдержанный, несколько угрюмый. Город-острог. Стоит, задумался и ждёт. Седой мшистый камень, красный кирпич, серый чугун и гранит. С набережной тянет сырым рыбьим ангарским воздухом. Тяжёлый грязный весенний

снег лежит на обочинах мостовых.

Кажется, фонарщики вот-вот полезут на столбы тушить запотелые, смуглые от газовой копоти фонари. Вкусно зацокают по брусчатке копыта, зашуршат колёса пролёток с толстозадymi пахучими ваньками на облучках. Впрочем, пахнет от них приятно: кислой квашнёй, овчиной, сеном и тёплыми сладкими лошадиными яблоками.

Квартира декабристки меня не обманула. Арочные сводчатые потолки тонули в пятиметровой пыльной полутьме. Когда-то здесь был танцевальный зал. Позванивали хрустальные люстры в тысячи свечей. По вощёным, медовым янтарным полам молодецки прищёлкивали гусарские сапожки. Юлами раскачивались и кружились невесомые юбочные кисеи, боязливо летали ножки в остроносых атласных туфельках.

Потом зал перегородили на тесные пролетарские клетушки, забили фанерными комодами и койками с пахучим тряпьём, наполнили матюгами, угаром керосинок и чадом жареной рыбы и лука.

После войны перегородки сломали, вывезли десятки грузовиков хлама. Громадную коммуналку перестроили в просторные двух-и трёхкомнатные квартиры для номенклатуры.

В самой большой угловой квартире с башенкой жила моя декабристочка: на своё счастье

забытая, некогда отпочковавшаяся, истончившаяся, поникшая веточка с вялой и томной, многожды, до прозрачности разбавленной прохладной голубой кровью.

Декабристка оказалась никакая не старушка, а моя ровесница. Свитер грубой вязки и джинсы. Бледная и сутуленькая, если не сказать горбатенькая — оттого что совершенно равнодушна к современным плебейским трендам. Она была выше всех этих повальных пошлых увлечений спа-салонами, тренажёрными залами, фитнес-клубами и соляриями.

У неё было детское лицо: носик уточкой и кроткие серо-голубые глаза — она походила на актрису Ирину Купченко. И звали её Ирина. А её мужа, добродушного голубоглазого золотобородого гиганта и красавца сибиряка звали Арсений.

Ирининых бабушку с дедушкой в начале перестройки поселил в этот частный музей-квартиру анонимный меценат. Оказываются, такие в природе ещё существуют: увы, не в России. Аноним-благотворитель руководил процессом из-за бугра, через адвокатов.

И со времён перестройки меценат спонсировал музей-квартиру. Держал оборону перед периодическими захватническими наскоками областного управления культуры. С буржуазной пунктуальностью и скупостью выплачивал

Ирининым родителям, а потом и Ирине с Арсением ставки музейных зрителей. На хлеб без икры хватало.

Квартира и без декораций была готова к съёмкам фильма о декабристах. Я беспрерывно щёлкала «сонькой». Тёмные в золотых ромбиках, засаленные обои. Протёртая на углах добела, до дыр бархатная скатерть с кистями. Светлый лунный поднос, крепко заваренный чай в старинных треснувших чашках. Чай из них следовало пить осторожно, чтобы не порезать губы.

Тяжёлые плиты альбомов. Распухшие папки с грязноватыми шнурами, с записями в фиолетовых кляксах и «ятях». Каждая страница упакована в тонкую папиросную бумагу: в уголки насыпались хрупкая жёлтая бумажная крошка.

Мне лично никогда не стать аристократкой. Можно вытащить девушку из деревни, но деревню из девушки — никогда.

Аристократизм — это высочайший уровень простоты и естественности. Я будто знала этих людей тысячу лет. С ними можно было говорить, говорить, говорить до бесконечности.

Здесь можно было запросто забраться в стоптанных тапках, выполняющих роль музейных бахил, на бархатный диван — и слова тебе не скажут. Можно курить не в форточку и густо

осыпать пеплом колени, плед и ковёр.

Гору грязной посуды оставили на ночь в раковине. Во мне тут же с готовностью воспарила, взмыла деревня в девушке: я радостно предложила свои услуги посудомойки (Екатерина Семёновна была бы довольна дрессировкой). «Ах, право, не стоит беспокоиться. Арсюша завтра вымоет».

Как жаль, что хозяева-смотрители ничем не выделяют меня среди прочих посетителей. И когда за мной закроется дверь, они столь же мило, добродушно и ненавязчиво обласкают следующего гостя.

В коридоре возвышался стеклянный саркофаг, под которым просматривался тот самый паркет, уложенный искусными паркетчиками конца XVIII века. Я расплющила нос, возя им по захватанному стеклу, пытаюсь разглядеть, что под ним.

Я была ВИП-гостьей, и хозяева-экскурсоводы, переглянувшись, вздохнули и любезно отвели меня в потайное место. Отвернули изысканно-блѣклый, плоский старый ковёр.

Здесь вообще всё было такое: блѣклое и старое. Даже воздух точно припорошѣн позолотой, затянут дымкой ушедших времѣн, как на антикварных полотнах. А может, просто давно не вытирали пыль. Чувствовалось: Ирина и Арсений особо не заморачивались насчѣт такой мелочи, как влажная уборка и соблюдение температурного

режима.

Арсений отковырнул с пола плитку ПВХ, убрал кусок суровой ткани. Под защитными ископаемыми слоями открылся артефакт: драгоценный кусок стёртого, покоробленного, кое-где вспученного пола, иссечённого тысячами пар ног и ножек.

Я сидела на полу, приложив ладонь к некогда медовым, пропитанным мазурками и контрдансами трухлявым, источенным жучками дощечкам — и рыдала, рыдала до истерики, до соплей, пока меня не подняли под белы ручки и не водворили в кухню.

Меня пытались отпоить водой, но вода не помогала. Тогда Ирина и Арсений деликатно переглянулись и извлекли из буфета бутылку водки. Потом ещё одну. И ещё. И мы потихоньку в течение ночи все трое наладились в зюю. Даром что аристократы (это я про хозяев).

По себе знаю: сто гостей придёт и всё будет прилично, воспитанно, в рамках. И вдруг на сотом заурядном госте-забулдыге приличных, интеллигентных хозяев сорвёт с резьбы. Забулдыга — получается, это я.

Мы обнялись за плечи, раскачивались и кричали песни на три голоса, отбивая ритм пятками по полу, и дирижируя вилками и ножами. Сначала, само собой, про бродягу, который бежал с

Сахалина. Потом про баргузин и омулёвую бочку. Потом гимн декабристов: слова замученного студента-революционера Вермишева, музыка народная.

Угрюмый лес стоит вокруг стенной.

Стоит, задумался и ждёт.

Лишь вихрь в груди его взревет порой...

Когда, сжимая и выбрасывая кулачки, мы трагически выкрикивали рефрен: «Вперёд, друзья! Вперёд, вперёд, вперёд!» — меня в тёплой кухне пробирал настоящий сибирский, байкальский мороз.

Когда запели о бьющем молотом под землёй узнике и о камне, из которого золото течёт — у меня фонтаном брызнули слёзы. Я вновь разревалась так горячо, сильно, сладко, горько и очищенно, как никогда в жизни не редела.

У Арсения в глазах тоже сверкала слезинка. А у Ирины, наоборот, сухие глазки горели, а бледное худенькое личико напряглось, заострилось и ожесточилось. Что значит: кровь декабристки.

И никто не колотил нам в стенку, что мы устроили среди ночи бурную революционную сходку, потому что стена была выложена в три кирпича. Это вам не жлобский гипсокартон, из-за которого вас посылают прямым текстом на три буквы. За анализом на ВИЧ.

Я думала, мы все после этого завалимся спать,

как три медведя. Но Арсений сказал, что на Ирину в таком состоянии нападает удивительное, нечеловеческое творческое вдохновение. И она за одну ночь может накатать половину книги. Чтобы ей не мешать, он повёл меня смотреть гравюры в пустующую детскую (у них был маленький сынок, живущий по очереди у двух бабушек).

Я, сонно задрав голову, рассматривала бронзовые с зеленью гравюры, а Арсений для удобства стоял сзади. Он мною в прямом смысле руководил: взял мою руку и водил ею по гравюрам. А потом вдруг провёл по своему лицу, по шёлковой бороде. И осторожно и страстно закусил мои пальцы с перстнем.

Моя фигура, прекрасно знакомая с пошлыми соляриями и фитнес-клубами, гибко струилась, обтекала и идеально встраивалась, как недостающая мозаика в пазлы, в тело Арсения. В мощные богатырские выпуклости его груди и впадину твёрдого как камень мускулистого живота.

Я запрокинула голову, мы хватались и впивались губами иступленно, пока хватало дыхания. Я двигалась спиной и бёдрами, чтобы освоить каждый сантиметрик его тела.

В любой самой фригидной женщине природой заложена опытная стриптизёрша. Просто не всегда подворачивается случай этот талант продемонстрировать.

Я думала, что женщина во мне давно умерла. Вернее, вообще не просыпалась. А оказалось, она просто дремала, как спящая красавица. Или как батарейка дюрасел, копившая, аккумулировавшая в себе неизрасходованное чувство.

Мы вовремя очнулись от безумия. Заняться этим на полу в детской у деревянной кровати, где трогательно пахнет молоком и глаженным маленьким бельём, — кощунство.

За стеной Ирина пишет книгу. Отбрасывает благородный дворянский локон с бледного лба, освещённого из окошка зарёй во мгле холодной.

Мы трясущимися порочными руками оглаживали друг на друге растрёпанные волосы, оправляли одежду. Отныне нас объединила одна, но пламенная страсть. Животная в прямом смысле: от слова живот. С низа живота к солнечному сплетению жаркой волной поднимался всепожирающий огонь, которого так боялась Екатерина Семёновна. И от которого не уберегла меня.

Действуем следующим образом: Арсений немедленно вызывает такси. Я несусь в ближайшую гостиницу, снимаю первый предложенный номер и жду Арсения. И дожидаюсь...

Потом уже всё неважно. Я буду тайно, нелегально, подпольно жить в гостинице неделю, год или сколько понадобится. Буду ждать, не сводя

преданного взгляда с двери. Потом мне всё же придётся уехать, и тогда Арсений приедет ко мне, и будет тайно ждать свидания в гостинице или на съёмной квартире.

А если всё откроется, я пойду за ним на край света, увязая сапожками в снегу, держась прозрачными от холода руками за край телеги. За морозное ржавое железо, в которое Екатерина Семёновна и Паша закуют Арсения.

Ирина утомлённо оторвалась от бумаг, откинула локон с бледного лба. Протянула мне для прощания узкую руку: кверху тыльной стороной, как для поцелуя. Очаровательно смутилась: «Ах, простите!» Этот жест передался ей через кровь десятков поколений.

Потом Ирина вскинула виноватые глаза на Арсения.

— Арсюша, прости, ради бога. Ты увлёкся и забыл: когда мы нанмали через фирму няню, в детской установили видеонаблюдение. Оно до сих пор не отключено, Арсюша. И монитор всё нечаянно подсмотрел, — она недоумённо и беспомощно пожалала плечами. Ещё минута, и она начала бы просить прощения за бестактность монитора. — Что это было, Арсюша?...

— Леночка, ты потом сама мне скажешь

спасибо. Лучшие пелёнки для малютки — это ветхое, многожды стиранное постельное бельё. Простыни, наволочки, пододеяльники. Они становятся тонкие и нежные, совершенно как батист: для детского тельца самое то... У меня полные шкафы белья, ещё советского: я раскрою его и подрублю вручную. Не вздумай покупать эти ядовитые китайские конверты для новорождённых.

Одновременно Екатерина Семёновна тревожно, трагически кричит Паше:

— Павлик, ты взял бумагу? Как какую?! Об отказе в трансплантации твоих органов в случае, тьфу, тьфу, какого-нибудь ЧП! Всякое может быть: автобус опрокинется или, не приведи бог, ещё что случится. Ты точно заверил отказ у нотариуса? Что ты категорически против, чтобы у тебя изымали органы для пересадки? Вчера в новостной ленте показывали...

— Мама, это у тебя уже переходит в паранойю...

Паша уезжает на три дня на областную конференцию эскулапов. Он становится передо мной на колени и нежно, благодарно целует меня в выпуклый живот. Обкладывает его ладонями: пупок, область солнечного сплетения.

Я мысленно сжимаю зубами невидимый предмет. Зубная эмаль скрипит и крошится на Пашину лысину. Ему слышится, что я произнесла

сквозь зубы какое-то отрывистое слово.

— Ты что-то сказала?

— Ничего. Тебе показалось.

Паша, чистая душа, приникает губами к моему пузу, что-то шепчет своему Палычу. Мы уже знаем, что родится мальчик.

Мы вместе перелистали именник, и Паша по собственной инициативе выбрал нашему будущему сыну имя Арсений. Оно ему понравилось своей особенной, необыкновенной красотой и мужественностью. Екатерина Семёновна подвигала пяточком, будто что-то унюхала, но промолчала.

Паша стал твёрже, когда узнал, что скоро станет отцом. Екатерина Семёновна смягчилась, узнав, что скоро станет бабушкой. Вон даже паранойю и Арсения проглотила молча.

А я... Иногда я боюсь, что у меня, вопреки физиологии и здравому смыслу, родится золотоволосый голубоглазый ребёнок-гигант.

ЖЕНЩИНА В ЖУТКИХ РОЗОЧКАХ

Знаете, когда приходит старость? Когда на входных дверях прикрепляешь листок-напоминалку, который в панике кричит:

«КОШЕЛЁК! ГАЗ! ТЕЛЕФОН! КЛЮЧ!
УТЮГ! БЕЗМОЗГЛАЯ СКЛЕРОТИЧКА!»

Последнее не пишется, но подразумевается.

Мама впервые прикрепила на дверь такую напоминалку в 80 лет. Рита — в 46. Налицо ранняя регрессия, если не сказать: явная дегенерация и деградация. Приехала, голубушка.

Когда приходит старость, перестаёт биться звонкое сердечко будильника на прикроватной тумбочке. Стрелка звонка навсегда остановилась на отметке в 6. 50. Стрелка тоже была трудоголиком, неподкупно и неусыпно поднимала Риту на работу, ни разу не подвела. За четверть века выросла в свой штришок, и если её сдвинуть, в этом месте обнаружится глубокая бороздка, вьёвшийся рубец, 25-летний шрам. Своего рода производственная травма.

Старость приходит, когда в присутственных местах, увидев пенсионное удостоверение, с тобой начинают разговаривать громко, внятно, чётко произнося слова, ласково заглядывают в глаза. То есть ещё вчера ты была нормальный человек, а сегодня — полоумная старуха и глухая тетеря.

Ещё старость приходит, когда твой телефон умирает, и с днём рождения и Новым Годом тебя поздравляют «Яндекс» и «Майл ру», ну ещё пара подружек.

В первую неделю пенсионерства Рита прыгала, как маленькая девочка, сбежавшая с уроков. Такое непривычное восхитительное чувство парящей лёгкости и свободы: когда хоч, тогда

встаю, что хочу, то делаю, куда хочу, туда иду. Впрочем, скоро выяснилось, что идти особо некуда и делать особо тоже нечего. Не на курсы же йоги, танцев живота, и не в школу оригами и икебаны, куда звала пара подружек, и где маялись дурью и бесились с жиру такие же крепкие моложавые пенсионерки.

Сейчас Рита обратилась бы к дамам в возрасте: не торопите пенсию, дурашки! Всю жизнь у человека есть Цель. Родился — прямая тебе дорога в ясли. Из яслей в садик. Из садика в школу. Из школы в вуз. Из вуза на работу. С работы на пенсию. С пенсии — ...?

То-то и оно. Всегда туда успеем. Чего вам Рита и советует: не то-ро-пи-тесь. Все там будем.

Будь жива мама — была бы маленькая семья. Но мама ушла в одночасье, сильно подведя Риту. Дом продолжал быть туго набит присутствием мамы: её запахом, её вещами, эхом её басовитого голоса.

Откроешь книгу — а оттуда выпадет, вместо закладки, открытка, присланная маме с другого конца страны каким-нибудь учеником-раздолбаем, а нынче большим человеком.

Или на титульном листе — в весёлых, совсем не учительских завитушках, надпись: «Милому Ритёнышу в День её Ангела». Целый шкаф книг,

подписанных «Ритатусиками» и «Ритусёнышами», искапанных Ритиными слезами. Мама была очень тонким человеком, но с сюсюкающими прозвищами вкус её явно подводил.

Однажды Рита вытерла слёзы, решительно связала книги в пачки и вызвала такси. На пару с таксистом забили целый багажник и поехали туда, где книги нужнее всего: в местное СИЗО.

Там стукнули в первое попавшееся оконце в кирпичной стене: «Книги нужны?» — «Нужны». Вышли два дюжих хлопца в тюремных робах. Без лишних слов, под присмотром библиотекаря нагрузились связками, как верблюды, скрылись в скрежещущих до мороза по коже, железных лабиринтах. По тому, как парни жадно, только что не облизываясь, поглядывали на книги, Рита поняла: не ошиблась адресом.

А сама осталась томиться в полупустой квартире дальше. Оказалось, время — вполне живое и материальное понятие. Рита ощущала его, времени, вязкую, плотную консистенцию вокруг. Оно сгущалось, уплотнялось, молчаливо выжидало, подступало, обволакивало, сдавливало, душило безглазой безмолвной массой. Сводило с ума.

Будь у Риты муж — совсем другое дело. Но муж объелся груш ещё в первый год супружества. Есть народная примета: если жена повесит

сушиться бельё и пойдёт дождь — значит, муж изменяет. Рита постирала паласы и ковры, развесила на верёвке во дворике — и хлынул ливень с градом и девятибалльным ураганом. Вы представляете себе количество и качество измен?...

Муж был неплохой человек, но они с Ритой не совпали. Медлительной Рите нужно было время проснуться от холодноватого девичества. Ожить, расправить чуть мятые листочки, протереть сонные глаза: ах, весна! ах, солнце! А он был нетерпелив, горяч, требователен...

Не ищите ландышей в месяце апреле. Ну да чего там, дело прошлое. Муж скрылся за горизонтом, свински утянув с собой не родившихся Ритиных детей и внуков.

Возможно, Рита нашла бы, от кого родить. Но мужчин (так считали окружающие) пугала её манера одеваться. Даже мама говорила: «Рита, посмотри в зеркало, на кого ты похожа?» А она одевалась, изо всех сил стараясь привлечь к себе внимание, ибо коротенький век ландыша увядал, он сморщивался и желтел.

Трикотажные старомодные платья не скрывали, а выпячивали фигуру «яблоко». Все силы и средства были брошены на яркую крупную бижутерию и аксессуары. Броши в виде великанских насекомых-мутантов, совершенно как будто живых, с их жвалами и хелицерами.

Казалось, вот-вот они оживут и, шевеля усиками и скрипя хитином, переползут с Ритиной кофточки на вас. Бр-р! Риту за глаза называли «женщина с тараканами».

После сорока резко поменяла энтомологическую тематику на сентиментальную флористическую. Перешла на совершенно невозможное количество искусственных цветов и цветочков, приколотых, пришпиленных повсюду: от шляпки до подола.

Дешёвые заколки, браслеты, ожерелья в виде постукивающих пластмассой чашелистиков, тычинок и пестиков. Аляповатые цветастые платя. Предпочтение отдавалось розам: от гигантских, похожих на капустные кочаны, до микроскопических, от которых рябило в глазах. Теперь, хихикая за спиной, её называли «женщиной в жутких розочках».

Много они понимали.

Рита разлепляла глаза в девять часов. По привычке взглядывала на будильник, тоже вышедший на заслуженный отдых. Вставала, вяло махала руками-ногами: делала гимнастику. Не умывшись и не почистив зубы (а для кого?), варила кофе. И, послонявшись по квартире, ложилась смотреть телевизор. То есть сначала садилась в кресло, но оказалось, что идеальная поза для

смотрения телевизора — лёжа на диване.

Выяснилось: пока Рита 25 лет работала, в телевизоре кипела собственная бурная жизнь. Появились свои любимые и нелюбимые передачи. Потом бурно обсуждали с подружками.

«Давай поженимся» было предсказуемо и оттого скучно. По престарелым женихам сразу угадывалось, кто умный, а кто лопух. Умный выбирал ум и доброту. Лопух — красоту и молодость. Думал не головой, а головкой.

Медицинские передачи иногда напоминали день открытых дверей в дурдоме. Теперь было ясно, почему в районной поликлинике остро не хватает врачей: все они друженько двинули на телевидение в шоу.

«Модный приговор» тоже не потрафил Рите с подружками. Стилисты халтурили: одевали красотку с фигурой 90 х 60 х 90 в растянутые треники, смывали макияж, стягивали невымытые волосы резинкой — и выпускали на подиум. Так любой дурак сможет, Рита обижалась. А вы попробуйте преобразите толстушку или худышку с нестандартной фигурой, например, «яблоко».

Впрочем, секреты женского преображения Рита с подружками быстро вычленили в трёх китов: корректирующее бельё, причёска и прямая походка с улыбкой. Всё. Собственно одежда играла десятую или даже сто десятую роль. Не проведёте, милочки.

А вообще... У Ильфа и Петрова жители города Н. рождались лишь затем, чтобы побриться, остричься, освежить голову вежеталем и быть погребённым конторой «Милости просим!» Нынче, по замыслу телевизионщиков, люди рождались для того, чтобы:

- сделать ремонт в доме,
- принять участие в кулинарном шоу,
- вылечить от грибка стопы,
- уйти и не вернуться с экстрасенсами в поисках умерших.

Одна отрада: канал «Старое доброе кино». В тысячный раз смотрела фильмы из детства, из юности. В «Маленькой Вере» переживала больше не из-за перипетий в судьбах героев, а сочувствовала соседям. Каково им было, бедным: с полуночными разборками Негоды, Соколова, Назарова и Зайцевой? С громкой музыкой, ором, суицидальными попытками и кровопролитием...

У Риты за стеной жила такая нескучная семейка. Маленькая Вера местного разлива, её мама и муж Валик. Маленькая Вера была отнюдь не маленькая, а имела очень даже крупную комплекцию. Она служила охранницей на заводе.

Рита подозревала: для приёма в охранники для всех женщин мира существовал свой корпоративный фейс-контроль. Сожжённые

пергидролью блондинки, с килограммом туши на ресницах, одетые в юбки по это самое. Прочие соискательницы конкурс не проходили.

Мама Маленькой Веры трудилась санитаркой в интернате для детей-инвалидов. Интернат находился на окраине города, окружённый трёхметровой бетонной стеной. Когда завод развалился и заводскую охрану расформировали, устроила к себе дочку. Туда же паровозиком протащила зятя Валика.

Именно протащила: в интернат для детей-инвалидов можно было устроиться только по крутому благу. Брали людей проверенных, трудились династиями, передавали должности, как самое ценное наследство.

Маленькая Вера и её мама имели педагогическое образование, но идти в нормальную общеобразовательную школу — ещё чего, не дождётесь! С нынешними неуправляемыми школярами реально справиться разве что до зубов вооружённым вертухаям на вышках. То ли дело детки в инвалидных домах: ангелочки, любо-дорого с ними работать.

Валик вернулся из армии с испорченными нервами. Тёща жалела зятя: в части молоденьких солдатиков гнобила этническая группировка. Валик изгонял из памяти негативные воспоминания водкой, матом и агрессией. «Эх, мама, если б вы

видели, как нас... Если б знали!»

Маленькая Вера не разделяла материнской жалости и исправляла Валика грубыми физическими методами. От этих методов Ритина стена по ночам тряслась и осыпалась штукатуркой. А если запикивать несущиеся при этом от соседей нецензурные вопли, то получился бы один сплошной большой «пик».

И вот эти люди работали с маленькими ангелами за трёхметровой бетонной стеной и контрольно-пропускным пунктом. В КПП сидел развалившись Валик и играл в танчики. Когда его отвлекали посетители, он нервничал и едва сдерживал ярость. Иногда не сдерживался.

В этот раз он тоже было рванулся, закрипев зубами. Но узнал тещу с соседкой тётей Ритой, смягчился и пропустил их на строго засекреченную территорию. Рита шла и замирала от собственного безумства. Дело в том, что она хотела усыновить ребёнка-инвалида. Или хотя бы взять опеку.

Мама Маленькой Веры отговаривала её, что это заведомо проигрышная затея. Что здоровых-то не больно дают, а уродов (она крутила пальцем у виска).

— Пенсию, что ли, хочешь хорошую за калеку получать? — наконец, уважительно осенило её.

Как ей объяснишь, что Рита перестала спать по ночам? Ночь превратилась в маленький

персональный ад.

Она ворочалась и думала, что вот она здесь, а дети в это время заперты в бетонном периметре с грубой твёрдой женщиной, драчуньей и матерщинницей Маленькой Верой и с Валиком с испорченными нервами. Рита спасёт хотя бы одного малыша. Хорошо бы, он был похож на Риту.

Директор, ухоженная дама в пышном бархатно-шёлковом розово-голубом, как французский альков, кабинете, смотрела на Риту профессиональным прищуренным глазом, обведённым карандашом Л, ЭТУАЛЬ. Рассматривала волосы, схваченные идиотским ободком в форме веночка, клипсы-розочки в ушах...

И всё-превсё понимала про эту возрастную тётю. Что явных диагнозов у посетительницы, конечно, нет, но что в голове у неё ползают тараканы — это точно. Такие слегка обалделые, как от средства «Машенька», большие тараканы. Тараканы в цветочек.

В коридоре Риту обступили выведенные нянькой, тихие, изолированные от мира, как преступники, дети. «Мама пришла!» — говорили десять пар детских глаз.

В нескольких метрах за бетонной стеной шла мирная жизнь: ни тебе взрывов, ни обстрелов и дымящихся воронок, ни гор трупов. Работали

магазины, бегали автобусы, играли дети, невозмутимо ходили, ели и спали взрослые люди.

И это был никакой не триллер и не ужастик с канала ТВ-3. Потому-то от обыденности происходящего стыла кровь в жилах, ледяней, чем от самого страшного триллера и ужастика.

Ничего бы у Риты не получилось, если бы не её старая знакомая из отдела опеки. И даже несмотря на мощное покровительство, Рите пришлось преодолеть бог знает сколько препон.

В кабинетах на Риту, на её покачивающиеся, постукивающие пластмассовые цветы тоже смотрели намётанным женским глазом и тоже делали соответственные выводы. Потому что понятно же, что человек в здравом уме и ясной памяти на такой шаг не пойдёт. Но собранные справки подтверждали, что Рита не состояла, не привлекалась, не участвовала, не разделяла, приводам не подвергалась, сочувствовала и имела благоустроенное жильё с отдельным санузлом и подходящим метражом.

Рита поняла, что если будет выбирать ребёнка по внешним данным, то совершит предательство по отношению к остальным. Она просто зашла в указанную группу, зажмурилась и погладила чей-то вихорок. Открыла глаза.

Перед ней стояла крошечная чёрненькая

девочка, абсолютно не похожая на Риту, с блестящими смородиновыми глазками. Она смотрела куда-то немножко мимо Риты косеньким взглядом. Это оказалась слабовидящая девочка Соня. По сопроводительным медицинским документам, она имела кучу побочных диагнозов с труднопроизносимыми названиями: начиная с буквы «А» и заканчивая буквой «Э».

Пара подружек навсегда потеряла Риту как сподвижницу по гимнастике тайцзинюань, по урокам фэн-шуя, по школе духовного усовершенствования или хотя бы в качестве диванного телекритика. Подружки досадовали и пытались открыть ей глаза. Рассказывали реальные ужасы-ужасы.

Вот недавно одна молодая пара удочерила крошку, души в ней не чаяла, особенно папа. Заболеет — ночами с рук не спускал своё сокровище, сопельки ей высасывал. А сокровище чуть на ножки встало... Пьянки-гулянки, ранние беременности, наркотики, кражи. Из дома перестали выпускать — пообещала дом поджечь. И подожгла — хорошо, успели потушить.

До последнего терпели, особенно папа. Решили отказаться от приёмной дочки — журналисты и детские омбудсмены налетели, срамили, срамили, на всю область ославили.

Молодой паре пришлось всё до нитки с себя продать: дом, дачу, машину — лишь бы от сокровища руками-ногами отбиться. Сами с нищенской сумой вырвались и уехали куда-то на край света подальше от срама. Рады — не рады, что хоть живы остались. Вот!

Пара подружек настойчиво внушала подобные мысли — Рита гнала мысли от себя. Они вбивали подозрения в её сознание — она выдёргивала их, как гвозди. Ловила на себе косенький строгий, старчески умный взгляд девочки. Сонечка видела Ритины метания. Рита чувствовала себя нашкодившей девчонкой.

Потом стало не до рефлексий. Некогда. В первые недели Сонечка целыми днями сидела как роботик, там, куда посадят. («Тебя надули! — догадалась пара подружек. — Она слепоглухонемая!») Действительно, девочка не предпринимала ни малейшей попытки не то что встать, а даже поменять позу, пошевелиться. Бессмысленно держала в ручке куклу, потупив глазки в пол. Из открытого ротика тонкой стеклянной нитью стекала слюнка, она её не вытирала.

«Олигофренка! — дула в уши пара подружек. — Мало диагнозов, так ещё и олигофрения».

Только через месяц Сонечка начала оживать,

оттаивать. Рита поняла: в казённых заведениях маленькие дети замирают, как бы впадают в анабиоз. Это у них такая защитная реакция, чтобы выжить. В природе детёныши, потерявшие мать, тоже ведь в первое время благоразумно распластываются по земле и не дышат, пытаются слиться с окружающей враждебной средой. Включается инстинкт самосохранения.

Через месяц Сонечка осмелела настолько, что позволила себе заплакать: робко, осторожно, абсолютно беззвучно. Великий ледниковый период отступал. Толщи льда внутри неё начали растапливаться, она оттаивала в прямом смысле — водичкой через глаза, через носик и даже немножко через уши.

Там, где она жила, на плач никогда не обращали внимания. Взрослые тётки в это время оживлённо разговаривали, смеялись, сплетничали, обсуждали свои дела. Детский плач был рабочим фоном, слегка досадным, но за вредность здесь приплачивали.

А природа требовала: «Плачь, ты живая». Даже в природе зверята пищат и скулят, их жалеют и облизывают мамы. А если мамы нет, есть шанс, что на плач придёт и подберёт, и выкормит чужая звериная мама. Ну, или сожрёт и прекратит мучения. Но дети жили не в природе, а в человеческом интернате.